Владислав Юрьевич Дорофеев

Принцесса «Да»

Владислав Дорофеев

Принцесса «Да»

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Принцесса «Да» / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

«Принцесса „ДА“» – это рассказ о спасении двухлетней дочери, с которой отец оказывается в больнице, затем в ту же палату привозят старшую дочь героя. Удивительные подробности о больничном быте детской больницы.

© Дорофеев В. Ю.
© Автор

Владислав Дорофеев
Принцесса «Да»

Утро в больнице.

Моя маленькая дочь уже только тихо молчит.

Я смотрю в окно.

И молюсь.

«Господи помилуй нас. Господи помилуй. Нас. Господи. Помилуй. Нас».

За окном увлекаемый ветром снег. Снег стремительно несется параллельно земли, увлекая за собой наши взгляды и мечтания. Вновь и вновь облетая Землю, нарезая круги, возвращаясь к моему окну, мечтания превращаются в надежду моего сердца.

Ночью, в очередном коротком провале/забытьи я придумал сказку про человека, который превращал в живое все мертвое, человека, который всю мертвую природу мог оживить. Только что осознал, что это не сказка – это Христос, наш Спаситель, Сын Божий.

Дочь моя уже даже не плачет. Она третьи сутки молчит. И медленно смотрит в стену или в себя.

А когда утром маленькая православная девочка (еврейский мацемел, замешанный на русских дрожжах) уже только тихо молчит, то причина ее молчания не столь и очевидна – это может быть память о семидесятилетнем вавилонском или двухсотлетнем татарском плене, или боль церковного раскола, или ужас семидесятилетнего большевизма, или расстрел последнего русского царя, или немой плач о двухтысячелетнем еврейском скитании, или печаль по разрушенному Храму и распятому Христу.

Если еще эта тихая печаль приправлена соусом больничного страдания, – а девочка двух с половиной лет вторые сутки лежит под капельницей, пятые сутки ничего не ест и почти не пьет по причине жесточайшего дисбактериоза (желудок отказывается переваривать даже воду), и десятые сутки находится в больнице, – тогда, тогда мы почти ничего не можем поделать, разве что посетовать на… Кого? Ну, тогда поблагодарить… За что? За немыслимые страдания, которые испытывает моя маленькая дочь, усыхая на глазах, потеряв за неделю пять килограммов из своих пятнадцати, изгибаясь всем своим уже почти невесомым тельцем от жестоких судорог в желудке, и от невозможности повернуть правую ручку с катетером в вене, и просто от страха перед этим жестоким и жестоким миром?

Да.

Пути Господни неисповедимы. Господь промыслил моей дочке страдания в самом начале ее пути, и заодно мне, в виде ощущения беспомощности.

Ну, нет! нет никакой беспомощности! – нет! Есть молитва и вера, и решительность, и любовь к маленькой Вере, Верушке-Петрушке.

Инфекционное отделение московской городской детской клинической больницы № 9 им. Сперанского. Я с Верой в палате, куда нас положили через два дня после выписки жены из больницы. Это совсем детское отделение, много детей до трех лет, которые лежат с матерями.

Женщины эти здесь неприглядны: не умыты, не причесаны, долго спят, в затрапезном ходят, канючат лекарства, ноют или выговаривают оставшихся дома детей и мужей по телефону на стене, в палатах у них бардак. Многие почти отвратительны внешне. Женщины в больнице затрапезны. Они переносят сюда дом. Они здесь, собственно, и не женщины, а «мамочки», «мамы». А кто не затрапезен, тот быстрее/скорее справляется со своими задачами. Но лишь при одном условии, что эта (не) затрапезность – не светская, а иная, т. е. «мать», но не «мамочка».

Кстати, меня нигде и никогда так часто не называли – «папа», «папочка», как здесь в больнице.

Больница – это не часть жизни.

Это именно жизнь, другая, параллельная реальность, но самостоятельная.

Больница – очень правильное место. Дает возможность сосредоточиться, и собраться, и выжить, и выздороветь.

Больничная демократия. Все едят одно. Монастырь тела.

Стерилизация – как основа, и смысл, и цель; стерилизация – как догма, и, как философия; стерилизация отношений.

Больничный язык. Здесь говорят – «оклизмить» – это когда надо сделать клизму, чтобы очистить кишечник. Оклизмить, – в широком смысле, – это значит, очиститься так, чтобы вместе с говном/грехами вышла грязь душевная и духовная, накопленная за тысячелетия и в последние времена.

У меня три страсти – творчество, жена, дети. И дьявол ударил по ним. Достает по всем направлениям, достает и давит: заболевают поочередно – Ася-Вера-жена-Аня-мама-отец-вновь Вера-теща-тесть-вновь Аня; враги на работе ополчились; и даже в больнице в виде безмозглых детей-ублюдков (как жесток мир детства – безжалостен и беспощаден, и циничен, и ужасен: детская больница – больная среда – детский кошмар), которые в соседней палате шумят очень поздно, что объективно ухудшает состояние Веры.

Нахлынули болезни и неприятности. Надо быть бдительнее и молитвеннее.

Враг уничтожает меня, пытаясь меня сократить, пытаясь так оградить свой мир.

Я сокращаю мир врага, уменьшаю этот мир – и враг пытается сократить, уничтожить меня.

Второго декабря двухтысячного года, в четверток, мою беременную жену отвезли в больницу, чтобы сохранить ребенка, которому пять недель, чтобы предотвратить выкидыш.

Я пел вслух, провожая жену: «Она справится. Она использует все возможности, какие у нее есть, чтобы сохранить жизнь ребенка и свою. Она вернется. Они вернутся».

И все две недели, что жена пролежала в больнице, – сохраняя нашего ребенка, у которого уже сердце бьется (нашему ребенку пять недель, и он пять миллиметров, – прибавляет по одному миллиметру в неделю; и у него бьется уже сердце, и он уже имеет признаки человеческого детеныша; жизнь человека начинается с сердца, – там душа; еще только через две недели, уже после возвращения жены из больницы, я почувствую ночью в ее животе – ребенка, новое твердое тело, упирается, надеется, живет), – я ничего не писал, потому что не мог, пребывая в напряжении, – как бы чего не пропустить, ибо у меня на руках была больная Вера. Был я в напряжении – было мне не до виртуального мира.

Через неделю после отправки жены в больницу, заболевает старшая дочка Аня: она ползала от боли в пояснице и спине по полу, не могла спать, сидеть, ходить – криком кричала от боли, – и ее с подозрением на пилонефрит (болезнь почек) увезли в больницу; а в больнице несколько дней не могли поставить диагноз, – оказался радикулит, обострение ее спинных проблем.

И все это время я ничего не мог писать, – как бы чего не упустить. Такого напряжения я еще не знал.

А все началось еще за две недели до отправки жены в больницу, когда вторая моя дочка Ася поранила родинку на лице, справа от носа, да так, что родинка кровоточила неделю – я возил ее по больницам, чтобы понять – что произошло, и ответить на вопрос – что может произойти. И еще параллельно у моей мамы в Николаеве случился гипертонический криз. И у отца начался очередной жесточайший запой.

Тяжело мне. Все рассыпается. Зачем так много детей, если ты не можешь всем дать полноценное развитие, уберечь от болезней! Вот пример – огромная семья моего отца, все пьянь, ублюдки, и неучи. А отцу не достало силы воли выбраться из своего семейного кошмара. Ибо не достало ему любви от рождения. И мне? А детям моим?

Я уже не боюсь стихии. Но не надо думать, что стихия ничего не может мне сделать. Стихию надо уничтожать! Стихию надо встречать во всеоружии. И по мере возможности уничтожать беспощадно и бесследно. Беспощадно. Беспощадно. И бесследно.

Ясно мне одно – изначально я оказался не готов к этим испытаниям. А сейчас? Не знаю. Возможно, ибо я стал понимать что-то лучше в себе, и в своих отношениях с миром моих близких и миром в целом.

Я вошел в декабрь, в Рождественский пост, в череду болезней детей и жены, еще живущим для себя, под себя.

Я неадекватен и в больнице.

Я геройствовал, я геройствовал, когда пришел в больницу с Верой. Я гордился собой, я пекся о себе. Меньше о Вере. Вот и не углядел, она угасает. Я кичился. Кичился драмой. Я будто хотел страдания, драмы. Боже! Как слаб и низок я.

Продержусь на любви. Любовью держится земля. Продержимся и мы.

Эти испытания – это проявление моей слабости. Будь я силен – этого не было бы. Я недостаточно умен, недостаточно терпелив, недостаточно терпим, недостаточно выдержан, склонен к самооговору, склонен к суетному порицанию, поспешен, суетен, самонадеян, зол, лжив, гневен, трусоват, изворотлив, фальшив, лукав, нерешителен, непоследователен.

Я был горделив поначалу, геройски все оценивал. Это глупо. Не мы управляем своей жизнью, если мы идем в царство Божьей славы.

Человек (относительно) управляет собой, лишь, если после него земного ничего нет – пусто, ровное место, небытие.

Человек не всегда причина своих бед, и испытаний, но часто именно человек – причина бед и испытаний.

Не часть ли бед и испытаний нынешних моих – от моего недомыслия, моей импульсивности и слабости? Очень похоже. Да.

Пора разозлиться. И выйти из этого состояния ступора, прежде всего индивидуального ступора.

Если это так, то одна из причин – недостаточное смирение, гордыня.

Прости мне, Господи! Мою горделивость и мое самомнение, и мое геройство!

Сил и ума – вот в чем я нуждаюсь.

Господи! Не оставь меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.